

УДК 81'27
UDC 81'27

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
Peter the Great St. Petersburg State Polytechnic University
St Petersburg, Russian Federation
vladimir_naumov@mail.ru

СЛОВА НАРОДНЫЕ... **FOLKLORE WORDS ...**

Аннотация

Наличие в лингвокультуре нации аутентичных анонимных речевых произведений различной линейной значимости и жанровой принадлежности свидетельствует об определяющей роли совокупной созидательной деятельности социума, порождающего потенциал языковой системы и правила её реализации. В статье рассматривается процесс порождения и восприятия произведений анонимного народного языкотворчества: песен, анекдотов, афористических суждений в социальных сетях. Анализируются содержание и форма указанных текстов, их функции и роль в формировании национальной лингвоментальности.

Abstract

The presence of authentic anonymous texts of various levels and genres in the lingual culture of the nation indicates the determining role of the total creative activity of the socium that gives birth to the language system potential and the variety of patterns of its use. The current paper considers the process of producing and perceiving of anonymous folklore works including songs, anecdotes, aphorisms in social networks. Content and form of these pieces of folklore art are analyzed, their functions and role in forming national lingual mentality are viewed.

Ключевые слова: язык, народ, фольклор, песня, анекдот, афоризм.

Keywords: language, people, folklore, song, anecdote, aphorism.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_1_49_57

1. Введение

Самобытность мышления и психики, особенности национальной культуры проявляются в структуре языка и речевом поведении его носителей. Русский поэт и критик П. А. Вяземский в своём стихотворении «Англичанке» (1855 г.) писал: «Язык – есть исповедь народа, в нём слышится его природа, его душа и быт родной» [Вяземский, 1978]. Два обязательных

свойства «исповеди» – искренность и таинство с одинаковой силой раскрывают одновременно и процесс порождения языка и неразрывную связь языка с его творцом – народом. И. И. Срезневский считал язык нераздельной собственностью народа, замечая, что он (народ) полнее и вернее всего выражает себя в языке. Язык всегда живет, писал И. И. Срезневский, «под условиями определенной формы, поэтому народ, вполне сочувствуя формальной стройности языка своего, боится нарушить её, бережет её, как святыню» [Срезневский, 1959, с. 19]. Будучи одной из основных форм воплощения национального самопознания, язык, кроме того, является и основной формой национального самопознания, то есть гносеологической категорией.

Соотношение единичного и общего в философии языка давно является предметом пристального внимания исследователей. И. А. Бодуэн де Куртенэ настаивал на примарности индивидуального языка, считая племенной и национальный языки «чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 71]. Изоморфизм языка и мышления, по мнению А. А. Потебни, побуждает народ беспрестанно переделывать язык, применяя его к изменчивым потребностям своей мысли. Язык у Потебни является «средним звеном между миром познаваемых предметов и познающим лицом, совмещающим в себе объективность и субъективность» [Потебня, 1989, с. 156]. Трудно с этим не согласиться, однако, и в том и другом случае авторы цитат лишь констатируют результат деятельности индивида и социума, порождающих язык. Вне поля зрения остается процесс «исповеди».

Приведём ещё одну позицию, которая, на наш взгляд, восполняет этот пробел и наиболее точно отражает положение дел. Американский социолингвист Э. Сепир заметил, что «социальное поведение – это всего лишь совокупность или, скорее, упорядоченное множество таких сторон индивидуального поведения, которые связаны с культурными нормами, встроенными каждая в свой контекст» И далее: «говорить, что человек ведет себя в какие-то моменты индивидуально, а в другие социально, так же нелепо, как заявлять, что вещество в какие то моменты подчиняется законам химии, а в другие... – законам ядерной физики» [Сэпир, 1993, с. 595]. Так что же является определяющим фактором развития языка, как деятельности (по Гумбольдту) [Гумбольдт, 2001]: индивидуальная энергия индивида – носителя языка или совокупная созидательная деятельность социума, порождающего потенциал языковой системы и правила реализации её (системы) возможностей? Если творцом языка следует считать народ, то в каждой лингвокультуре должны быть не персонифицированные, анонимные образцы речевых произведений, существующих в сознании большинства носителей языка как подлинная исповедь народа, аутентичность которой никем не подвергается сомнению. Это могут быть речевые образцы различной линейной значимости и жанровой принадлежности: идиомы, пословицы, поговорки (1-й уровень), басни, сказки, былины, анекдоты (2-й уровень), песни, плачи (3-й уровень).

2. Песня

Наименее исследованным произведением народного языкотворчества остается песня. До сих пор, в частности, никому не удавалось выявить истоки и алгоритм порождения народной песни. Достаточно сложно ответить на вопрос: если песня называется народной, то следует ли считать её автором весь народ, как некую генеральную совокупность, представляющую данный социум, либо авторство принадлежит какой-то группе лиц или вовсе отдельному индивиду, пожелавшему остаться неизвестным или забытому впоследствии? И ещё: песня называется народной потому, что автор неизвестен или потому, что она (песня) имеет хождение в народе и поётся им в течение продолжительного времени? Отдельная тема – мелодия народной песни. Музыкальное оформление стихотворного текста, не имеющего авторства, может вдохновить любого носителя языка, обладающего природным слухом и чувством музыкального ритма, которые необходимы для трансформации стихотворной формы в песенную. Трудно себе представить, например, другое музыкальное оформление таких народных песен, как «Вдоль по Питерской», «Дубинушка». Как отмечают некоторые исследователи, со слов «Вдоль по Питерской» начиналась одноимённая старинная солдатская песня. Само название песни стало крылатой фразой и используется в обиходной речи со значением «на виду у всех (пройти, проехать, пронестись)». Выражение встречается в тексте песни А. Пахмутовой и Н. Добронравова «Знаете, каким он парнем был», посвящённой Юрию Гагарину. Ещё более драматично сложилась судьба «Дубинушки». Первые упоминания этой песни в литературе встречаются с 1860-х.

Опубликована песня волжских бурлаков «Эй, ухнем» была в книге «Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина», записана композитором М. Балакиревым 1889 году в Нижнем Новгороде. Общеизвестный вариант песни с более распространённым сюжетом, ставшей классической, появилась во 2-й пол. XIX века благодаря интересу интеллигенции к народу, различным «хождениям в народ», и тенденции использовать строки народных песен для создания собственных авторских произведений. Несмотря на то, что известны имена сочинителей этого периода, канонический вариант песни не устоялся, и существуют многочисленные анонимные переработки, использующие авторские куплеты. Первым известным сочинителем авторской «Дубинушки» стал В. И. Богданов, опубликовавший своё стихотворение, в котором использовал народный припев, в 1865 г. Но популярней стал чуть более поздний вариант 1880-х годов, автором которого стал адвокат А. А. Ольхин. Вариант Ольхина основан на тексте Богданова; сохранены с некоторыми вариантами три его строфы, а переделка усилила революционную направленность стихотворения.

Дубинушка (начало)

*Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость и горе мне пели;*

*Но из всех песен одна в память врезалась мне –
Это песня рабочей артели:
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая, сама пойдет!..*

А. А. Ольхин

Принадлежность изданного анонимно текста Ольхину подтверждается революционной традицией и агентурной справкой департамента полиции: «Сочинил переделку „Дубинушки“ в самом возмутительном духе и просил доставлять ему песни, поющиеся между фабричными, чтобы переделывать их в революционные» [Википедия]. Обе песни, «Дубинушка» в особенности, иллюстрируют их социальную значимость и временную соотнесённость с непростым социально-политическим фоном России того времени. «Дубинушка» это гимн российского пролетариата, призыв к силовой смене общественного строя. Однако в инвентаре народных песен «Дубинушка» может считаться, скорее, исключением из правил порождения и существования песни в сознании социума. Социальная агрессивность не является доминирующей характеристикой русской народной песни. Приведём перечень наиболее известных русских народных песен: «Ах Вы, сени мои, сени», «Ах ты, ноченька», «Ах, Самара – городок», «Ах, уехал мой любимый», «А я по лугу», «Выйду ночью в поле с конем», «Живёт моя отрада», «И кто его знает», «Калинка-малинка», «Любо, братцы, любо», «Не для меня», «Ой мороз, мороз», «Ой, цветёт калина», «По Дону гуляет», «Светит месяц», «Тонкая рябина», «Шумел камыш», «Эх, дороги». Бытовая направленность большинства песен подчёркивает незлобность, свободолюбие, душевность русского народа, его философскую созерцательность в отношении окружающего мира. *Vita contemplativa* (жизнь созерцательная) как способ бытия, вообще не располагает к созданию социально направленных произведений с чётко выраженной аппелятивной функцией. В целом процесс взаимодействия анонимного песенного творчества с народом имеет произвольный, ситуативно «размытый» характер. Представим в качестве иллюстрации фрагмент ещё одной народной песни «Во поле берёза стояла...». Её текст имеет нейтральный социальный фон, содержательную не многоплановость и незатейливую убаюкивающую мелодию.

*Во поле берёза стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Люли, люли стояла.
Некому берёзу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли заломати.
Как пойду я в лес, погуляю,
Белую берёзу заломаю.*

*Люли, люли заламаю.
Срежу с берёзы три пруточка,
Сделаю себе я три гудочка,
Люли, люли, три гудочка.
Четвёртую балалайку,
Пойду на новые сени.
Люли, люли, на сени.*

Песня на всём протяжении её существования в народном сознании имела исходный, инвариантный текст и мелодию. Вмешательства с целью коррекции данного нарратива (по аналогии с «Дубинушкой») могли бы быть обусловлены желанием потенциального автора сохранить берёзу, не ломать её, но развёртывание действия (4 и 5 куплеты) показывает относительно благие намерения героя сюжета, желающего только срезать пруточки и изготовить из дерева нужные ему изделия. Мелодическое оформление в данном случае непоколебимо вследствие его изначальной гармонии с текстом и обречено на длительное существование. Этот и ему подобные примеры языкового творчества мгновенно поглощаются узусом, представителями различных социальных и региональных слоев языкового коллектива, находя своих носителей (исполнителей). Персонифицировать народное музыкальное произведение такого рода, отследить дату и место его рождения крайне сложно. В таких случаях узус сам определяет судьбу и продолжительность жизни песни. В. фон Гумбольдт всегда подчеркивал анонимность национального авторства плана выражения языка: «Поскольку формы языка национальны, они всегда в подлинном и прямом смысле творятся нациями как таковыми» [Гумбольдт, 2001, с. 65]. С формой всё более или менее понятно, имея в виду произвольность плана выражения языкового знака. Но как происходит отбор и закрепление означаемого в народном языкотворчестве? Какие жизненно важные концепты отражаются в национальной лингвоментальности? Базисные (антропологические, ментальные, интеллектуальные, культурные) характеристики европейских этносов сформировались ко второй фазе средневековья (11–14 вв.). Вероятно, позднее средневековье (15–16 вв.) можно считать периодом интеллектуальных и лингвокультурных предпосылок формирования всех видов фольклора.

3. Анекдоты

Особой формой народного творчества следует считать анекдоты. Анекдоты относятся к сфере бытового фольклора и соперничают с народной песней в характеристике ментального лексикона нации. Анекдоты рождаются на определённом этапе развития социума и становятся достоянием его тезауруса, когда абстрактное мышление становится семиотической основой коммуникации. Кроме того анекдот можно считать хронологическим маркером определённого состояния языка, которое позволяет использовать в дискурсе потенциальную амбивалентность язы-

ковой системы, выраженную асимметрией означаемого и означающего языкового знака. Социум постепенно преодолевает стереотипность мышления, предполагающего одну (единую) реакцию на тот или иной стимул. Анекдотам присуща особая семиотическая структура, предполагающая у обеих сторон (адресанта и адресата) чувства юмора, базирующегося на достаточно обширных фоновых знаниях о предмете анекдота и реактивной способности слушающего адекватным образом обработать содержание и форму подачи анекдота. Анекдоты это дух народа, его откровение. Если представить языковую картину мира в виде мозаичного полотна, значительное место на нём должно быть отведено персонажам анекдотов, формирующим основы национальной лингвоментальности (см. подр. мою статью «Национальная лингвоментальность в анекдотах» (диахронический аспект) – «Филологические науки», март, 2018 (в печати).

4. Интернет

20 век породил интернет как особую, виртуальную форму языко-творчества в социальных сетях. Интернет, представляющий собой совокупность (сеть) социальных каналов размещения информации самого широкого диапазона, рекламы, а также способов произвольной коммуникации индивидов в пределах одной или нескольких языковых систем, следует считать неотъемлемой составляющей процесса глобализации, который имеет объективный, закономерный и, к сожалению, необратимый характер. Существует немало определений языка, или метаязыка, используемого в интернете, исследованы, в большей или меньшей степени, средства и формы представления языкового материала в социальных сетях. Предпринимаются регулярные попытки приближения компьютерного языка к требованиям нормы, что невозможно и поэтому бессмысленно. В значительно меньшей мере исследована сама языковая личность, испытывающая на себе довлеющую роль принятых в сети правил коммуникации, и постепенно эволюционирующая из субъекта, порождающего язык, в объект, бессознательно рефлексирующего в рамках узкого и примитивного диапазона речевых возможностей виртуального пространства. Находящийся в социальных сетях человек, вне зависимости от его личностных характеристик, вынужден выстраивать своё речевое поведение в соответствии с заданными параметрами. Краткость, максимальная притягательность плана выражения посредством далеко не всегда гармоничной и соответствующей языковой норме совокупности вербальных и параязыковых средств, а также весьма примитивный план содержания информации, размещаемой на многочисленных сайтах сети самыми различными людьми, объединенными, пожалуй, только одной общей характеристикой – отношением к языку: носитель, или, реже, не носитель. Таковы реалии виртуального бытия, увы. Если отвлечься от удручающего уровня (без-) грамотности и убогих представлений о жизненных ценностях большинства населяющих популярные сайты интернета людей, не задаваться целью выяснить причины одиночества в сети, несмотря на обширные потенциа-

ные коммуникативные возможности интернета, то одним из немногих позитивных явлений в этой сфере индивидуальной речевой деятельности можно считать краткие анонимные афоризмы сатиристического содержания, характеризующие сегодняшнюю российскую действительность. Диапазон оценочных суждений здесь достаточно широк. Он покрывает практически все важные жизненные концепты: любовь, секс, отношение к работе, образование и т. д. Наиболее интересными, на наш взгляд, следует считать различия в трактовке основных жизненных концептов с учётом гендерного фактора и, прежде всего, характеристики противоположного пола.

Приведём примеры афористических суждений с более или менее нейтральным (по части нормативности) набором лексики. Ladies first: «Если я встречу хорошего человека, то совсем неважно, какого цвета его БЕНТЛИ», «Одни мужчины раздражают своими домогательствами, другие – недомоганием», «А чего мне бояться? – Подумала Красная Шапочка... Лес я знаю, секс люблю», «Мужчины как загар, сначала прилипают, а потом быстро смываются», «Секс без любви – пустое занятие, но среди пустых занятий – одно из самых лучших», «Приснилось, что муж храпит. Проснулась, всё нормально – не замужем». Мужчины: «Любовь – это честная, но безуспешная попытка насытиться одной женщиной», «Не лает, не кусает, но редкостная сучка», «Протопчу тропу в Вашем доме от дивана до холодильника», «Вчера лёг спать около двух. Не выспался. Сегодня лягу около одной», «Что-то в этом мире явно неправильно, подумал Колобок, дождевывая Лису», «Страшный сон проститутки: все входящие бесплатно», «Если у блондинки корни волос темнеют, значит мозг ещё сопротивляется», «Найду себе вдовушку и выпью ей кровушку», «Страшненьку... Буду тюнинговать», «Если ты жирная и страшная, руби лес! Мсти природе!», «Как найти настоящую женщину? Разгоните коня! Подождите избу! Ждите!».

Даже поверхностный анализ приведённых примеров показывает, что в отношениях полов со времён Адама и Евы принципиально ничего не изменилось. Меркантилизм и сладострастие женщин, стремящихся за счёт данных природой возможностей реализовать свои потребности, с одной стороны, и генетически заложенная мужская полигамность, усиленная присущим большинству самцов земной фауны инфантилизмом и альфонсизмом, придаёт гендерному противостоянию перманентный характер. Радует, тем не менее, растущий диапазон оттенков в характеристике представителей противоборствующих сторон, свидетельствующий о том, что процесс познания противоположного пола бесконечен, а чувство юмора, сопровождающее этот процесс, даёт повод для оптимизма в оценке интеллектуального потенциала нации.

5. Заключение

Итак, присутствие в лингвокультуре аутентичных неперсонифицированных, анонимных речевых произведений различной линейной значимости и жанровой принадлежности (идиом, пословиц, поговорок, басен,

сказок, былин, анекдотов, песен, плачей), воспринимаемых как подлинная исповедь народа, свидетельствует о том, что определяющим фактором развития языка является совокупная созидательная деятельность социума, порождающего потенциал языковой системы и правила её реализации.

Указанные произведения обладают набором характеристик, позволяющих судить о национальной лингвоментальности. Во-первых, русские народные песни, как правило, социально неагрессивны, имеют бытовую направленность и характеризуются незлобностью, свободолобием, душевностью и философской созерцательностью в отношении окружающего мира. Во-вторых, анекдоты можно с полным правом назвать духом народа, его откровением. Их семиотическая структура предполагает наличие у адресата и адресанта чувства юмора, которое базируется на обширных фоновых знаниях о предмете анекдота и реактивной способности слушающего. В-третьих, языкотворчество в интернете – современный источник сведений о ментальном лексиконе нации, где наряду с общей безграмотностью, убогими представлениями о жизненных ценностях, виртуальным одиночеством при практически безграничных коммуникативных возможностях всемирной сети, имеется немало интересных кратких анонимных афоризмов сатирического содержания, внушающих оптимизм в оценке интеллектуального потенциала нации.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
2. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 12.02.2018).
3. Вяземский, П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский. – М.: Советская Россия, 1978. – 270 с.
4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
5. Наумов, В. В. Национальная лингвоментальность в анекдотах (диахронический аспект) [Текст] / В. В. Наумов // Филологические науки. – 2018 (в печати).
6. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня. – М.: Изд-во «Правда», 1989 – 200 с.
7. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
8. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка. – М.: гос. учебно-педагог. Изд-во, 1959. – 133 с.

References

1. Baudouin de Courtenay, I. A. (1963). *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected writings in general linguistics] (vol. 2). Moscow: Academy of Sciences of the USSR.

2. Wikipedia [Electronic resource]. Retrieved February 12, 2018 from <<https://ru.wikipedia.org>>.
3. Vyazemskiy, P. A. (1978). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow : Sovetskaya Rossiya Press.
4. Humboldt, von. W. (2000). *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected writings in language studies]. Translated from German and ed. by G. V. Ramishvili; Afterword by A. V. Gulyga and V. A. Zvegintsev. – Moscow : OAO IG «Progress» Press.
5. Naumov, V. V. (2018). Natsional'naya lingvomental'nost' v anekdotakh (diakhronicheskiy aspekt) [Lingual mentality of the nation in anecdotes]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences] (in press).
6. Potebnya, A. A. (1989). *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow : «Pravda» Press.
7. Sapir, E. (1993). *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected writings in language, culture and personality]. Translated from English and edited by A. E. Kibrik. Moscow : Progress Press, Univers Press.
8. Sreznevskiy, I. I. (1959). *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts about the history of the Russian language]. Moscow : gos. uchebno-pedagog. Press.